

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.П. Зарецкий

**ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
XVIII ВЕКА: ПАСТОР ВИГАНД**

Препринт WP19/2017/01

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2017

УДК 378(09)
ББК 74.58
334

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

334

Зарецкий, Ю. П.

История и историки в Московском университете XVIII века: Пастор Виганд : препринт WP19/2017/01 [Текст] / Ю. П. Зарецкий ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 40 с. – 150 экз.

В этой работе речь идет о начальном периоде истории Московского университета. В центре ее внимания – фигура Иоганна Виганда (Johann Wigand), протестантского пастора, с конца 1782 по 1793 год исполнявшего в нем обязанности профессора всеобщей истории. Почему именно Виганд? Во-первых, потому что о нем и его работе в университете мало что известно – как, впрочем, и о других профессорах истории второй половины XVIII века. Во-вторых, потому что фигура Виганда среди них – одна из самых необычных: пожалуй, он был единственным профессором, для кого университетская служба являлась тяжким бременем. Наконец, потому что о его работе в университете, помимо отрывочных протокольных сведений, сохранился его собственный рассказ, содержащий любопытные свидетельства об университете того времени, центральным сюжетом которого являются отношения Виганда с масонами.

УДК 378(09)
ББК 74.58

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Зарецкий Ю. П., 2017
© Оформление. Изд. дом
Высшей школы экономики, 2017

В этой работе речь пойдет о начальном периоде истории Московского университета. В центре ее внимания – фигура Иоганна Виганда (Johann Wigand), протестантского пастора, с конца 1782 по 1793 год исполнявшего в нем обязанности профессора всеобщей истории. Почему именно Виганд? Во-первых, потому что о нем и его работе в университете мало что известно – как, впрочем, и о других профессорах истории второй половины XVIII века. Во-вторых, потому что фигура Виганда среди первых профессоров истории – одна из самых необычных: пожалуй, он был единственным из них, для кого университетская служба являлась тяжким бременем. Наконец – и это стоит отметить особо, – потому что о его работе в университете, помимо отрывочных протокольных сведений, сохранился его собственный рассказ, превращающий «труды и дни» московского профессора XVIII века в увлекательную историю с неожиданными сюжетами. Этот рассказ и станет в дальнейшем главным предметом моего внимания: сообщаемые в нем сведения будут сопоставлены с другими историческими свидетельствами и в заключении будет поставлен вопрос об их достоверности.

Автобиография Виганда известна в двух переводах с немецкого. Первый, Веры Васильевны Тимощук (по большей части пересказ), был опубликован в 1892 году в журнале «Русская старина»¹. Вместе с коротким предисловием он занимает чуть более двадцати страниц печатного текста. Второй, рукописный анонимный, на 70 листах, датирован 1837 годом и хранится в Отделе рукописей РГБ². Хотя оба перевода имеют отличия, позволяющие заключить, что они были основаны на двух разных редакциях неизвестного мне немецкого оригинала, дальше они будут рассматриваться как единый автобиографический нарратив. Та его часть, которая относится к университету, состоит из пяти сюжетов: вступление Виганда в должность, отношения с университетскими масонами, дружба с профессором Шварцем, участие в деле Новикова, преподавание истории.

¹ *Тимощук В.В.* Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. // Русская старина. 1892. № 6. С. 545–568. Далее ссылки даются в тексте в скобках с указанием страницы: Пастор Виганд...

² НИОР РГБ. Ф. 173.П. Ед. хр. 72. Далее ссылки даются в тексте в скобках с указанием страницы: Краткое жизнеописание...

Пятый профессор истории

Предшественники

Профессорами истории до Виганда, за одним исключением, были немцы, приглашенные в университет его основателем и куратором Иваном Ивановичем Шуваловым при посредничестве конференц-секретаря Императорской Академии наук и художеств Герхарда Фридриха Миллера. Первым из них, впрочем недолго, был магистр философии и доктор обоих прав Венского университета Филипп Генрих Дильтей (Philipp Heinrich Dilthey), читавший на французском языке публичные лекции по всеобщей истории и приватные по русской³. Он был также и первым профессором университета, создавшим исторический труд – предназначавшиеся для домашнего обучения «Первые основания универсальной истории» в трех частях⁴. Известно еще, что Дильтей хотел написать историю основания Московского университета, о чем сообщал в одном из писем Миллеру, но, получив от него отрезвляющий ответ, от этого замысла отказался⁵. История, впрочем, никогда не была главной областью занятий Дильтея: преподавал он ее вначале, по-видимому, из-за неукомплектованности штата профессоров. Главной же сферой приложения его усилий – как лектора и ученого – была юриспруденция, занятия которой принесли ему всероссийскую известность⁶.

После Дильтея преподавание всеобщей истории перешло к прибывшим в 1757 году на кафедру немецкой словесности бакалаврам философии Лейпцигского университета Христиану Готтлибу Кёльнеру (Christian

³ См. основные сведения и библиографию о нем: *Зарецкий Ю.П.* Как профессор Филипп Дильтей отстоял свою правду (Случай из ранней истории Московского университета) // Новое литературное обозрение. 2015. Т. 191. № 1. С. 142–166.

⁴ *Дильтей Ф.Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею: В пользу обучающагося российского дворянства. Ч. 1, 2, 3. [Москва]: Тип. Моск. имп. ун-та, 1762, 1763, 1768.

⁵ См. об этом: *Зарецкий Ю.П.* Как писать историю университета // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. Т. 98. № 6. С. 338.

⁶ О Дильтее-правоведе см. два новых исследования: *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Т. 1. М.: Зерцало, 2007. С. 114–130; *Munro G.* The Law and the Profits: P.H. Dilthey, the Fundamentals of Veksel' Law and Merchant Practices // *A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment* / Ed. E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, M. Levitt and Mikhail Ljustrov. Groningen Netherlands Russia Centre, 2015. P. 171–180.

Gottlieb Köllner)⁷ и Иоганну Готфриду Рейхелю (Johann Gottfried Reichel)⁸. В университет они были приняты по рекомендации известного деятеля раннего немецкого Просвещения Иоганна Кристофа Готтшеда, лекции которого слушали в Лейпциге. Оба вскоре стали именоваться членами Лейпцигского общества свободных искусств и магистрами⁹.

Кёльнеру, помимо его основного предмета, немецкого красноречия, пришлось преподавать всеобщую историю едва ли не сразу после прибытия, а вскоре и переключиться на нее целиком¹⁰. Поскольку молодой преподаватель не имел достаточной квалификации и опыта, читать лекции по истории ему было непросто, тем более что он был совершенно незнаком с русской историей, к которой так или иначе должен был обращаться в своем курсе¹¹. В качестве учебного пособия он использовал немецкое издание «Введения во всеобщую историю» Иоганна Фрейера¹²

⁷ О Кёльнере см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М.: Унив. Тип., 1855. С. 403–404; История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): сб. док. / сост., вступ. ст. и примеч. Д.Н. Костышина. Т. 3. М.: Academia, 2014. С. 461–464. См. также: <<https://goo.gl/cSwfJ9>>

⁸ О Рейхеле см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 2. М.: Унив. Тип., 1855. С. 340–348; История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 3. С. 453–461.

⁹ См.: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. М.: Academia, 2016. С. 184, 185, 209 и др. Судя по всему, степень магистра они получили при посредничестве Готтшеда заочно. – См.: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 278. Такая форма присуждения ученых степеней в раннее Новое время называлась *in absentia*, т.е. без физического присутствия кандидата и без публичной защиты диссертации – см. об этом: *Зарецкий Ю.П.* Фальшивые ученые степени в XVIII веке? // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 245–273.

¹⁰ В объявлении о лекциях Московского университета от 13 августа 1758 года говорится, что Кёльнер «по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам с 7 до 9 часа по утрам имеет продолжать Универсальную историю с тех мест, где пред ваканциями остановился» – История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 209. Помимо преподавания Кёльнер был еще приставлен к университетской типографии. – См.: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 78.

¹¹ Кафедра истории предполагала должность профессора, обладающего обширными знаниями. Как было указано в § 5.4 «Проекта о учреждении Московского университета», «для показания истории универсальной и российской, також древности и геральдики» – *Беляевский М.Т.* М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 278.

¹² *Freyer H.* Erste Vorbereitung zur Universalhistorie. Halle: Waisenhans, 1724. 1724. См. об этом: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 246.

и, по сведениям историка университета, также привлекал «Древнюю историю» Шарля Роллена, несколько томов которой к тому времени уже были переведены на русский¹³. Известно еще, что он спрашивал советов по преподаванию истории у академика Миллера¹⁴. Впрочем, лекции Кёльнера продолжались недолго: зимой 1759/1760 года он тяжело заболел и 25 февраля умер в доме профессора Дильтея.

После скоропостижной кончины коллеги курс всеобщей истории – уже надолго – перешел к Рейхелю, сделавшему в качестве историка в университете быструю карьеру: он был назначен секретарем Конференции и получил в 1761 году звание экстраординарного профессора, а еще через три года стал профессором ординарным. В 1773 году он опубликовал свой первый труд – «Краткую историю о японском государстве»¹⁵, и спустя два года второй – «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств»¹⁶. Первый представлял собой обзор сведений о Японии, доступных в то время европейцам, в основу второго были положены лекции Рейхеля по статистике (этот предмет он стал читать в университете первым)¹⁷. Обе книги в оригинале были написаны на латыни и переведены на русский его учениками. Глав-

¹³ См.: *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: Унив. Тип., 1855. С. 34. Имеется в виду: *Rollin Ch.* Histoire ancienne des Égyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Medes et des Perses, des Macedoniens, des Grecs. Paris: J. Estienne, 1730–38. Vol. 1–13. *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассириянах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках / пер. Василия Тредиаковского, проф. и чл. С.-Петербург. Имп. Акад. наук. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1749–1762. Т. 1–10.

¹⁴ См.: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 249, 254.

¹⁵ *Рейхель И.Г.* Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная. Москва: Унив. тип., 1773. 2-е издание: *Рейхель И.Г.* История о Японском государстве, из достоверных известий собранная. Москва: Тип. Пономарева, 1789.

¹⁶ *Рейхель И.Г.* Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств собранное, из публичного в 1773 году обучения истории в Имп. Московском университете и до самых новейших времен продолженное. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775.

¹⁷ Статистика в то время понималась как политико-экономическое описание современных государств, включавшее экскурсы в их прошлое. Как университетская дисциплина статистика впервые появилась во второй половине XVIII века в университетах Германии. Соответствующий термин в 1746 году ввел в научный оборот Готфрид Ахенваль, предложивший заменить им традиционное «государствоведение».

ное сочинение Рейхеля вышло, однако, только через десять лет после его кончины. Это была «История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в древнюю историю, продолжающаяся до нынешних времен», переведенная и изданная его бывшим студентом Михаилом Падериным¹⁸. Как и «Краткое руководство», оно было составлено на основе его университетских лекций.

Как и другим коллегам по философскому факультету, Рейхелю приходилось преподавать разные дисциплины. Помимо истории и родственной ей статистики, это были грамматика немецкого языка, правила немецкого красноречия, история философии, история литературы. Кроме преподавания он исполнял обязанности университетского библиотекаря, занимался организацией переводческой деятельности, несколько лет издавал ежеквартальное «Собрание лучших сочинений к распространению знания»¹⁹, разбирал по поручению Миллера архив Татищева²⁰.

Рейхель – первый профессор истории университета, о содержании курсов которого имеются более-менее подробные сведения:

Преподавание истории Всеобщей он любил соединять с ученою историей, а позднее к новой истории присоединял всегда статистическое обозрение новых европейских государств. Древнюю историю проходил обыкновенно весьма кратко и торопился всегда к новому времени и к действовавшим современно государствам, чтобы студентам могли быть ясны происшествия новой истории. В 1772/3 году он, первый, читал в течение целого года статистику, уже под этим именем, хотя еще прежде в 1764/5 году предпринял курс статистического содержания, читая в первый раз как профессор ординарный. При изложении новой истории Рейхель давал понятие о современных государственных учреждениях; для ученой истории объяснял Геснерово сочинение *Isagoge in eruditionem universalem*; предлагал первые нача-

¹⁸ *Рейхель И.Г.* История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в древнюю историю, продолжающаяся до нынешних времен / перевел с латинского языка губернский секретарь и вышняго исторического и географического класса при гимназиях Имп. Московскаго университета информатор Михайло Падерин. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. Автор книги назван в «Предуведомлении переводчиком».

¹⁹ Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. Москва: У Вевера и Сколария, 1762.

²⁰ *Валк С.Н.* О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История российская. Т. VII. М.; Л.: Наука, 1968. С. 35.

ла истории политической, церковной, ученой и философической; знакомил слушателей со вспомогательными историческими науками²¹.

Рейхель также – первый историк, о лекциях которого сохранились свидетельства его бывших студентов. Один из них, поэт, драматург, мемуарист и Владимирский губернатор Иван Михайлович Долгоруков, учившийся в университете с 1777 по 1780 год, отзываясь о них в самых восторженных выражениях, делает особый акцент на артистическом владении профессором латынью:

Он преподавал исторические лекции по-латыни. Никто так красноречиво не изъяснял ее (историю. – Ю. З.), как он. Приятно было его слушать; ни одно слово не пропадало, ни одно событие не терялось. Дар слова принадлежал ему в превосходстве. Я поныне вспоминаю с удовольствием те часы, которые просиживал в его классе, умел занять своих слушателей, и я, несмотря на юный мой возраст, пленялся его беседой²².

²¹ Биографический словарь. Ч. 2. С. 342. Это описание, очевидно, вполне «прозрачно» для читателя середины XIX века, сегодня явно требует пояснений. Начнем с понятия «ученая история». В издававшемся в Санкт-Петербурге журнале «Корифей, или ключ литературы» давалось следующее объяснение: «Ученая история, имеет предметом науки и художества... и выводит на театр света людей отличившихся какими-нибудь полезными в них открытиями» (1802. Т. 1. С. 49). Примерно то, что сегодня называют историей науки, литературы и искусства. Рейхель намеревался преподавать ученую историю и в частном порядке, о чем было объявлено в университетском каталоге на первое полугодие 1758/59 учебного года («...есть ли кто приватно обучаться истории Филозофической Литеральной, и самой Филозофии, тех удовольствовать охотно обещается») – История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 209), однако сведений о том, получил ли он отклик на это объявление, не имеется. Пояснений требует и понятие «новая история». Примерно до середины XVIII века в европейской учебной литературе господствовала двухчастная периодизация всемирной истории: древняя (от сотворения мира до рождения Христа) и новая (от Христа до времени написания соответствующего сочинения). Во второй половине столетия, с утверждением трехчастной периодизации, новую историю стали чаще всего начинать с реформации Лютера. Скорее всего, именно в этом смысле о ней и говорится в процитированном фрагменте. Иоганн Матиас Геснер (1691–1761) – немецкий филолог, профессор поэзии и элоквенции Геттингенского университета, почетный член Петербургской академии наук. Упомянутая книга представляет собой популярное введение в гуманитарное образование – *Primaе lineae isagoges in eruditionem universalem, nominatim philologiam, historiam et philosophiam in usum praelectionum ductae* (Vol. 1–2. Lipsiae, Sumptibus Caspari Fritsch, 1774–1775).

²² Долгоруков И.М. Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / изд. подг. В.И. Коровин; отв. ред. А.Л. Гришунин. М: Наука, 1997. С. 149. Он также эмоционально рассказывает о кончине профессора в 1778 году и прощании с ним, дополняя свой рассказ новыми заверениями, что

После смерти Рейхеля преподавать всеобщую историю стал выпускник Московского университета, первый, как тогда говорили, «природный русский», экстраординарный профессор Харитон Андреевич Чеботарев²³. Позднее он стал известен как его первый выборный ректор и первый председатель Московского общества истории и древностей российских.

Еще будучи студентом, Чеботарев, проявлявший исключительные способности, был определен на службу в университет переводчиком с латинского и немецкого языков. В его переводе в 1769 году была издана «Краткая всеобщая история» Иеронима Фрейера, которую использовали в преподавании другие университетские профессора, а позднее и он сам²⁴. В предисловии к тому Чеботарев отдавал дань своему наставнику профессору Рейхелю и подробно сообщал читателю о его вкладе в подготовку издания: «достойно почитаемый мною учитель и благодетель... подлинник сей книги пересмотрел, исправил и в новейших временах, в Российской истории с 1725, а в истории прочих государств с 1756 почти до конца 1768 года продолжением своим дополнил». Важной особенностью этого первого русского перевода «Истории» Фрейера было включение в том в качестве приложения «Краткого российского летописца» Ломоносова²⁵.

преподавательский талант Рейхеля и его владение языком Цицерона были исключительными: «Он не долго жил, и в нем Университет сделал такую потерю, какую едва вознаградил ли и после. Похороны его были блистательны. Все мы провожали гроб до лютеранской кирки и отдали без принуждения последний долг полезнейшему из наставников наших. Он уважаем был и сотоварищами своими, и во всем сословии ученых после него никто уже не преподавал истории по-латыни, ибо никто так хорошо этого языка не знал, как он, и редкий профессор того времени умел так вырабатывать его как Рейхель. Я смею сослаться в этом на всех сверстников моих и знатоков латинского слога» – *Там же*.

²³ О Чеботареве см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 2. С. 543–551; История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 661–765.

²⁴ *Фрейер И.* Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории: Для употребления учащагося юношества с немецкаго на российской язык переведена, исправлена и умножена при Императорском Московском университете / [пер. Х.А. Чеботарев]. [Москва]: Печатана при оном же Университете, 1769. Имя переводчика указано в конце предисловия: «Харитон Чеботарев истории и географии учитель и университетской публичной библиотеки кустос. И добавляется, что перевод Чеботарева «просмотрен и исправлен проф. красноярца А.А. Барсовым».

²⁵ В предисловии Чеботарева к изданию 1769 г. читаем: «Совершенство же сего издаваемого мною исторического сокращения требовало, чтоб Российскую историю, сочинителем оной почти совсем опущенную, присовокупить, которая здесь, по причине недо-

Также еще в студенческие годы Чеботарев стал ближайшим помощником Рейхеля в делах библиотеки и переводчиком его трудов²⁶. Затем он получил место преподавателя гимназии, а в 1776 году стал экстраординарным профессором по кафедре российской словесности. В ординарные же профессора всеобщей истории он был произведен сразу после кончины его наставника, 31 октября 1778 года, и продолжил читать его курсы.

О его собственных курсах мы узнаем из университетского объявления о лекциях на следующий 1779/80 учебный год. В нем сказано, что ординарный профессор Чеботарев «в обыкновенные дни от 4 до 6 часов по полудни, продолжать будет *Европейскую историю*, в которой он покажет начала, приращения, упадки и достопамятные перемены всех *знатнейших Европейских государств*, от основания их до нынешних времен, дабы из того разуметь было можно настоящее состояние и взаимное их отношение между собою»²⁷. Курс всеобщей истории он продолжил читать около двух лет, дополняя его историей российской. Как считают,

статка лучшего в своем роде сочинения, от слова до слова внесена из краткого Российского Летописца покойного Статского Советника Михайла Васильевича Ломоносова» – Цит. по: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 663. Впервые переработанная версия «Краткого российского летописца» Ломоносова в виде приложения к истории всемирной была опубликована во втором издании «Универсальной истории» Гильмара Кураса: *Курас Г.* Сокращенная универсальная история. Содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время. Со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащагося юношества / [пер. Б.А. Волков]. Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1762. Приложение (С. 357–390) было подготовлено И.С. Барковым и имело заголовок «Сокращенная российская история».

²⁶ В том числе по крайней мере двух речей: *Рейхель И.Г.* Цветущее состояние и славу России, от геройских добродетелей ея самодержицы происходящую. В десятилетнее торжество благополучнаго правления августейшия монархини великия государыни Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийския и проч. и проч. в публичном Императорскаго Московскаго университета собрании июня 30 дня 1772 года празднованное / перевел с латинскаго истор. учит. Харитон Чеботарев. [Москва]: Печатано при Императорском Московском университете, [1772]; *Он же.* Слово о способе, каким древние возбуждали в гражданах любовь к отечеству. На высокоторжественный день рождения августейшия монархини великия государыни Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийския, и проч. и проч. и проч. с глубочайшим благоговением празднованный апреля 22 дня, 1775 года в Императорском Московском университете / перевел с латинскаго унив. суббиблиот. Харитон Чеботарев. [Москва]: Печатано в Университетской типографии, [1775].

²⁷ Цит. по: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 4. С. 666.

в этих дополнениях он педантично следовал за Шлецером, за что заслужил от него самого ироничное прозвище «руководителя Шлецера в российской истории»²⁸. Впрочем, если судить по сохранившимся студенческим записям лекций Чеботарева, в представлении русской истории он не пренебрегал и панегирическим стилем «Древней российской истории» Ломоносова²⁹.

Как ученый, помимо многочисленных переводов, Чеботарев по приказанию Екатерины II сделал выборки из русских летописей для ее «Записок о древнейшей русской истории», составил «Географическое методическое описание Российской империи», считающееся первым оригинальным русским учебником по географии России³⁰, «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии»³¹, многочисленные панегирические речи. Им был также написан пространный теологический труд, который он считал своим *magnum opus* – комментированный свод евангельских сказаний «Четвероевангелие» в двух частях³².

Харитона Андреевича в конце 1782 года и сменил на исторической кафедре наш герой. Это был средних лет немец, до вступления в должность восемнадцать лет живший в России, хорошо знавший русский и потому иногда звавшийся среди своих Иваном Ивановичем.

²⁸ Милуков П. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М.: Типо-литография Кушнеров и К°, 1898. С. 208.

²⁹ Чеботарев Х.А. Вступление в настоящую историю о России / соч. проф. Моск. ун-та Харитона Чеботарева; [с примеч. О.М. Бодянского]. Москва: О-во истории и древностей рос., 1847. Иван Михайлович Долгоруков с уважением вспоминает в своих мемуарах и о Чеботареве, хотя без суперлативов, которыми он награждает Рейхеля – см.: Долгоруков И.М. Капище моего сердца. С. 246.

³⁰ Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской империи. С надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще. Для наставления обучающагося при Императорском Московском университете юношества / Из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева. Москва: В Университетской типографии, 1776.

³¹ Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. С прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквах. Москва: Печатано у содержателя типографии Губ. правления Фридриха Гиппиуса собственным его иждивением, 1787.

³² Чеботарев Х.А. Четверо-Еваггелие, то есть свод воедино всех четырех Еваггелистов или образ жития, учения, страдания, воскресения и вознесения на небо Господа нашего Иисуса Христа, начертанный подлинными изречениями святых Апостол и Еваггелистов. Москва: в Синодальной типографии, 1803. Ч. 1–2.

Автор и герой

О жизни Иоганна Виганда до его поступления в университет известно не слишком много³³. Родился в 1744 году в городке Пренцлау в Померании в семье пастора, получил домашнее начальное образование, учился в гимназии в Штеттине, потом в Галльском университете. В 1764 году отправился в Россию в качестве гувернера детей генерала-провиантмейстера Николая Алексеевича Хомутова, а через некоторое время от него перешел служить домашним учителем четырехлетнего сына богатого харьковского помещика Петра Андреевича Щербинина³⁴. В Харькове он познакомился с Иоганном Фридрихом Паули, членом евангелического братства гернгутеров³⁵, и это знакомство стало поворотным событием в его дальнейшей судьбе. Виганд начинает интересоваться учением братьев, в 1770 году посещает их поселение в Сарепте на Нижней Волге, а пять лет спустя, путешествуя по Европе с детьми Щербинина, сам вступает в братство³⁶.

³³ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. С. 165–166; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. С. 127; Виганд, Иоахим // Энциклопедия Волгоградской области. <<http://www.encyclopedia.ru/cat/online/detail/58454/>>. См. также биографическую справку: Курьшев А.В. Виганд, Иоахим. Рукопись. – Архив фондов МЗСС (Государственный Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»).

³⁴ Об этом он сам сообщает в автобиографии: Краткое жизнеописание, с. 29–30; Пастор Виганд, с. 549. О Виганде-гувернере в доме Щербининых см. эссе: *Томан И.* Кто будил барчуков? Немцыте гувернеры в России – <<http://www.ru.mdz-moskau.eu/kto-budil-barchukovnemeckie-guvernery-v-rossii/>>

³⁵ От названия поселения Хернхут или Гернгут (Herrnhut) в Саксонии, где в 1722 году преемниками гуситского движения была основана одноименная религиозная община. О гернгутерах в России см. монографию: *Teigeler O.* Die Herrnhuter in Russland: Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. Другое обозначение их общины – «Моравские братья» или «Моравская церковь».

³⁶ Как он сам пишет, «приобщается Святых таинств в Братской церкви» – Краткое жизнеописание. С. 76. Сарепта – изначально название ветхозаветного города на территории современного Ливана. В России поселения немцев, принадлежащих к братству гернгутеров были разрешены Екатериной II в 1763 году по указу от 22 декабря. Два года спустя они основали колонию, дав ей название библейского города. Немногочисленные члены общины гернгутеров в России активно занимались коммерческой и миссионерской деятельностью при поддержке Лютеранской церкви. О русской Сарепте и ее жизни см. публикации Государственного Историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта»: <<http://sarepta.myjino.ru/ru/izdaniya/>>. Разнообразные рукописные материалы о Виганде, в том числе и его рукописи, хранятся в архивном фонде музея «Старая Сарепта» в Волгограде: <<http://altsarepta.ru/ru/>>. См. также библиогра-

Вернувшись в Россию, он сначала живет в Санкт-Петербурге, потом, оставив Щербининых, едет в Сарепту, откуда осенью 1782 года по решению старшин общины отправляется в Москву. Миссия его состояла в том, чтобы сменить прежнего руководителя сарептского торгового представительства проповедника Франца Гельтергофа, после семнадцатилетней службы в университете вышедшего в отставку³⁷.

Поступив в конце 1782 года в университет экстраординарным профессором истории, Виганд начинает свою преподавательскую деятельность, продолжавшуюся больше десяти лет. По сведениям его биографа, читал он лекции четыре раза в неделю по-русски, раздавая предварительно студентам краткие записки с содержанием каждой на латинском языке. При этом речь его, хотя и выдавала иностранца, была живой и даже красноречивой. От этого же биографа мы узнаем, что начинался его курс обычно со «вспомогательных наук», после чего последовательно читались древняя, средняя и новая история, а заключал его Виганд «многими статистическими замечаниями о существующих государствах»³⁸. Известно также, что на 1785/86 год он объявил о чтении лекций по византийской и турецкой истории, истории «государств, возникших на развалинах Римской империи», а также истории России³⁹. В 1793 году лекции Виганда в университете заканчиваются. В июне он оставляет Москву и уезжает с семьей в Санкт-Петербург.

Отправился он туда снова по направлению старшин сарептских гернгутеров – чтобы занять место главы торгового дома братьев⁴⁰. Семь лет спустя он был отозван ими из столицы в Сарепту, где до последних дней исполнял обязанности сопредседателя общины. Скончался Виганд 31 августа 1808 года, о чем вскоре появилось сообщение в «Московских ведомостях». В нем, в частности, говорилось, что бывший профессор истории «просил перед кончиною своею засвидетельствовать всем любящим его ту приверженность и любовь, коими душа его до последнего издыхания

фию работ о поселении: <http://wolgadeutsche.ru/bibliothek/Bibliografie_Schiller_3.htm>; <<https://clck.ru/B8sqa>>.

³⁷ См. о нем: Биографический словарь. Ч. 1. С. 191–192.

³⁸ Биографический словарь. Ч. 1. С. 166.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О коммерческой деятельности сарептских гернгутеров в Санкт-Петербурге до приезда Виганда см.: *Медведев В.Н., Синкевич Г.И.* «Сарептский дом» в Санкт-Петербурге (1766–1891 гг.) // Сарепта. Историко-этнографический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2012. С. 531–541. <www.volsu.ru/download.php?id=000028732-1.pdf>

к ним была преисполнена»⁴¹. Известно, что незадолго до смерти он закончил писать свою автобиографию. Что же касается других сочинений Виганда, то об их существовании ничего не известно. Есть только упоминание о двух его речах, произнесенных на торжественных собраниях: одной на латинском, другой на французском языке⁴².

Университетская служба профессора Виганда: истории с комментариями

Вступление в должность

Имея в виду эти краткие сведения об авторе и его предшественниках, обратимся теперь к тексту его автобиографического рассказа, предваряя (или сопровождая) отдельные его сюжеты необходимыми пояснениями и комментариями.

Итак, Виганд отправился в Москву в качестве нового представителя общины гернгутеров. Получение им здесь казенной должности было делом принципиально важным, поскольку открывало возможность освобождения московского дома братьев от постоя. Согласие принять ее, как он сам признается, далось ему нелегко из-за нелюбви к казенным учреждениям, однако иначе он поступить не мог, поскольку повиновение старшинам среди членов братства считалось одним из важнейших достоинств⁴³. Впрочем, Виганда беспокоила не только служба в казенном учреждении. До него дошли известия о том, что в университете сложилось опасная нравственная обстановка, подрывавшая сами основы христианской веры. «...В последние годы, – разъясняет он это беспокойство, – я имел случай убедиться в том, что все служащие при московском университете были масоны самого худшего разбора, отчасти отъявленные атеисты, с которыми я никак не мог сойтись» (Пастор Виганд, с. 559).

⁴¹ Цит. по: Биографический словарь. Ч. I. С. 166.

⁴² Биографический словарь. Ч. I. С. 166. Обнаружить их тексты мне не удалось.

⁴³ В тексте автобиографии читаем: «изъявил согласие исполнить возлагаемое на меня поручение, надеясь, что Спаситель даст мне силу исполнить его» (Пастор Виганд, с. 559). К этому можно добавить, что воля общины была решающей и в сфере личных отношений. Как рассказывает Виганд в другом месте, даже жену ему выбрали братья: в 1783 г. он женился на девице Саре Фернберн, которую они для него «выписали» из Германии (Пастор Виганд, с. 563).

Тем не менее решение было принято. Заехав в Сарепту и получив там сан диакона, а также инструкции от старшин, Виганд отправился в Москву. Прибыл он туда в октябре 1782 года и сразу добился аудиенции у куратора университета Ивана Ивановича Мелиссино⁴⁴. Вот как он сам рассказывает об этом:

В Московском университете у меня не было ни одного знакомого, который похлопотал бы за меня, поэтому я обратился лично к куратору, тайному советнику Мелиссино, и заявил ему, что мне известно, какую он оказал протекцию моему другу Гельтергофу, и что я желаю теперь получить место при университете (Пастор Виганд, с. 560).

Здесь нужно сделать пояснение относительно статуса И.И. Мелиссино в университете. В то время он был одним из трех его кураторов, по видимому, вторым в негласно существовавшей иерархии. «Старшим» считался его основатель, обер-камергер Иван Иванович Шувалов, живший при дворе в Санкт-Петербурге. «Младшим» – Михаил Михайлович Херасков, известный поэт, раньше исполнявший обязанности университетского директора⁴⁵. Херасков получил звание куратора в 1778 году, сменив Мелиссино, которому была разрешена долгосрочная поездка за границу с сохранением должности. Возвратился Мелиссино только в 1782 году и, как считают историки, нашел в университете многое, что его не устраивало⁴⁶. Трудно понять, как сложились отношения обоих (за Херасковым звание куратора сохранилось), но дружескими они, скорее всего, не были.

Вернемся, однако, к прерванному рассказу Виганда о его первой встрече с Мелиссино:

Взглянув на меня пристально, он спросил, не состою ли я членом общины, и, получив утвердительный ответ, сделался приветливее, рассказал мне с видимым удовольствием, что он служил прокурором при Святейшем Синоде в то время, когда в нем происходили известные прения по

⁴⁴ См. основные биографические сведения: Императорский Московский университет. 1755–1917. С. 433–435.

⁴⁵ См. основные биографические сведения: Императорский Московский университет. 1755–1917. С. 793–794; *Кочеткова Н.Д.* Херасков, Михаил Матвеевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. М.: Наука, 2010. Т. 3. С. 344–361.

⁴⁶ *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М.: Тип. Грачева и К^о, 1867. С. 188.

поводу религии братьев-гернгутеров, о которой и он высказал свое мнение, велел мне явиться на следующий день и спросил, не желаю ли я получить занятие помимо университета. Я от этого отказался (Пастор Виганд, с. 560–561).

Этот фрагмент также нуждается в пояснениях. Прежде всего, в связи с упомянутым в нем знакомстве куратора с гернгутерами. Мелиссино занимал должность обер-прокурора Синода как раз в то время, когда там готовились екатерининские указы, положившие начало массовому переселению иностранцев в Россию⁴⁷. Среди документов, прошедших в этой связи через Синод, была и жалованная грамота братской общине в Сарепте⁴⁸. Вторая неясность относится к сделанному Вигаду предложению «получить занятие помимо университета». Не предлагал ли Мелиссино ему работу в «Вольном российском собрании», основателем и главой которого он был? Образованный благочестивый немец, давно живший в России и хорошо владевший русским языком, вполне мог быть полезен в его научной и издательской деятельности⁴⁹.

История поступления Виганда на службу на этом предложении Мелиссино, как нетрудно догадаться, не заканчивается. Дальше следует ее продолжение и счастливое окончание:

Несколько дней спустя куратор призвал меня к себе и отправился вместе со мною в конференцию университета, пред которою мне предстояло держать экзамен. Известный профессор греческого языка Матаци предложил мне два-три вопроса, на которые я ответил удачно, и этим экзамен окончился. Когда же Мелиссино спросил, почему меня не подвергают испытанию, то профессор отвечал, что из нескольких слов видно, с кем имеешь дело. Этим вся формальность ограничилась, и я был определен в университет экстраординарным профессором ... (Пастор Виганд, с. 561).

⁴⁷ В частности, «Манифест о даруемых иностранным переселенцам привилегиях и привилегиях» и «Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных поселенцев» (1763).

⁴⁸ «Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского исповедания» от 27 марта 1767 года на бессрочное владение землей в Астраханской губернии и сохранение привилегий – ПСЗ. Собр. 1-е. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. С. 61–66.

⁴⁹ О Вольном российском собрании см.: *Змеев В.А.* Вольное российское собрание при Императорском Московском университете // Ломоносовские чтения – 2008: Российская государственность в XXI веке и глобальные проблемы мирового развития: сб. докл. М.: ТЕИС. С. 524–530.

Добавлю здесь, что испытание, которому конференция подвергла Виганда, представляло собой экзамен (обязательный для европейских – в первую очередь немецких – университетов раннего Нового времени, который назывался *disputatio pro loco*)⁵⁰. Отличительной особенностью этого экзамена в Московском университете был его чисто формальный характер: прием новых профессоров здесь зависел исключительно от воли куратора.

Рассказ о поступлении на службу получает дальше два дополнения, объясняющих причину успеха Виганда. В первом сообщается, что свободной вакансии в университете для него вначале не было, но на помощь пришел коллега: свои лекции пастору уступил профессор по кафедре логики и нравочений Харитон Андреевич Чеботарев, «которому было слишком затруднительно читать историю» (Пастор Виганд, с. 561). Из второго дополнения мы узнаем, что получение им должности стало возможным «благодаря участию, принятому... известным масоном Шварцом» (Там же).

Впрочем, в заключение этого сюжета автор делает еще одно дополнение, в котором относит свой успех на счет Всевышнего: «Итак, с помощью Божию, это дело, казавшееся мне невозможным, устроилось не более как в три дня...» (Там же). Если посчитать, что эти слова – это не просто фигура речи, то получается, будто Мелиссино, Чеботарев и Шварц в описанной ситуации действовали как исполнители Воли Господней.

Университетские мартинисты

Рассказ Виганда об университетских масонах нужно опять начать с разъяснений. Прежде всего о том, кто такие «мартинисты», которых он постоянно упоминает, и какую роль они сыграли в принятии его в университет. Мартинистами обычно называют последователей радикального мистического учения Луи Клода де Сен-Мартена, однако в России в 1780–1790-е годы так называли еще и розенкрейцеров – членов Ордена золотого и розового креста⁵¹. Как и его современники, Виганд не делает различий между теми и другими.

⁵⁰ В немецких университетах экзаменуемый должен был иметь университетскую степень магистра или доктора, т.е. быть кандидатом, уже выдержавшим экзамен, называвшийся *disputatio pro gradu*. Что касается Виганда, то достоверных сведений о наличии у него университетских степеней не имеется.

⁵¹ См.: Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический грядус соломоновых наук. СПб.: Астерия, 2012. С. 13, 534–535.

Что касается роли мартинистов-розенкрейцеров в получении им должности, то из предыдущего сюжета можно сделать вывод, что она была если не главной, то очень существенной. Правда, И.И. Мелиссино, хотя и являлся родным братом известного масона Петра Ивановича Мелиссино, ни к каким тайным обществам не принадлежал. Но вот Х.А. Чеботарев, уступивший Виганду преподавание истории, на протяжении нескольких лет состоял в московских ложах. По определению историка русского масонства, это был «ревностный мартинист и розенкрейцер»⁵². Масоном был и куратор Херасков, входивший в разные ложи Петербурга еще с 1773 года, а после переезда в Москву вместе со Шварцем, Новиковым и другими видными масонами основавший тайную «сциентифическую» ложу «Гармония»⁵³. Нелишне в этой связи добавить, что незадолго до поступления в университет Виганда Хераскову был присужден «теоретический градус» Ордена розенкрейцеров, а также, что еще тремя годами раньше он принял в университет Шварца и передал университетскую типографию в аренду Новикову⁵⁴.

Впрочем, если верить Виганду, мартинисты в университете не имели полной власти. Говоря дальше о своих трудностях, он указывает на две враждующие «партии», между которыми ему приходилось постоянно лавировать. Первую составляли мартинисты-розенкрейцеры во главе со Шварцем. В нее входили куратор Херасков, профессор Чеботарев и глава университетской типографии Николай Иванович Новиков (второе лицо в ордене после Шварца). К ней же, по-видимому, принадлежал и секретарь Хераскова Петр Иванович Страхов⁵⁵. «Партия» их оппонентов, как можно понять из разных отрывочных данных по истории университета, включала куратора Мелиссино и его ближайших сторонников: профессоров Иоганна

⁵² Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М.: Тип. Грачева и К°, 1867. С. 293.

⁵³ Об организации ложи и ее работе см.: Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. С. 215–220 и др.

⁵⁴ Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. С. 234–235; Херасков, Михаил Матвеевич // Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: энцикл. слов. М.: РОССПЭН, 2001. С. 851.

⁵⁵ Впоследствии профессор и ректор университета. – См. о нем: Биографический словарь. Ч. 2. С. 442–466; Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. С. 311, 312. Страхов был переводчиком главной книги мартинистов «О заблуждениях и истине», запрещенной и изъятой из продажи по императорскому указу в 1786 году: Сен-Мартен, Луи Клод де. О заблуждениях и истинне, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания / пер. с франц. [П.И. Стрхова]. М.: Тип. И. Лопухина, 1785.

Матиаса Шадена⁵⁶, недовольного предложенной Шварцем реформой планов учения в университетских гимназиях, и Антона Алексеевича Барсова⁵⁷, секретаря Вольного российского собрания, возглавляемого Мелиссино.

Ко времени принятия в университет Виганда обе эти группировки, впрочем, еще не сложились окончательно. Раскол произошел только в самом конце 1782 года в результате основания Шварцем «Дружеского ученого общества»⁵⁸. Началось все с того, что Мелиссино обвинил Шварца в создании им под предлогом просветительской деятельности масонской организации. В ответ на это обвинение Шварц составил пространную оправдательную записку с перечислением собственных заслуг перед университетом и подал ее через Хераскова Шувалову⁵⁹. В записке он признавал, что сам является масоном, однако утверждал, что общество, которое он возглавляет, имеет чисто просветительский характер. Больше того, он заявлял, что мало кто из его членов вообще знает, что такое масонство⁶⁰. Записка вконец испортила отношения Шварца и Мелиссино и вскоре вынудила профессора уйти в отставку.

В общем, хотя поступление в университет оказалось для Виганда делом более легким, чем он предполагал, дальше ему пришлось столкнуться с серьезными трудностями:

Таким образом, я оказался в весьма странном положении между двумя в высшей степени враждебными партиями; сильнейшая из них, мартинисты, доставившие мне место, покровительствовали мне по убеждению, как члену братской общины; противники же их, зная, что братья не имеют

⁵⁶ См. о нем: Биографический словарь. Ч. 2. С. 558–574.

⁵⁷ См. о нем: Биографический словарь. Ч. 1. С. 50–62.

⁵⁸ Торжественно открыто 6 ноября 1782 года. См. о нем: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XI. СПб., 1893. С. 188–189; *Серков А.И.* Дружеское ученое общество, масонский проект, «чтоб профаны и подозревать не могли» // Россия и гнозис: тр. Междунар. науч. конф. «Судьбы религиозно-философских исканий Николая Новикова и его круга». Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 391–402.

⁵⁹ Записка Шварца об отношении к нему И.И. Мелиссино // Летописи русской литературы и древности. Т. V, отд. II. М., 1863. С. 96–110 (на нем. яз.).

⁶⁰ В записке, кроме прочего, Шварц утверждал, что Мелиссино сам является масоном, что не соответствовало действительности: известно, что впоследствии Иван Иванович активно сотрудничал с князем А.А. Прозоровским по искоренению мартинизма в университете. – См.: «Донесения куратора Московского Университета тайного советника И.И. Мелиссино главнокомандующему в Москве князю А.А. Прозоровскому, с приложением переписки его с обер-камергером Шуваловым и другими лицами о сльвшем Дружеском ученом обществе, известном ныне в просторечии под именем Мартинистов (масонов). 1790 года 13 июня» // РГАДА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-3об.

ничего общего с масонами, терпели меня как личность нейтральную (Пастор Виганд, с. 561–562).

Что касается способов, которыми Виганд пытался избегать неприятностей в этой ситуации, то они, по его собственному признанию, были нехитрыми:

Замечательно, что когда конференции приходилось обсуждать какой-нибудь вопрос, против которого могла быть та или другая партия, причем я мог бы случайно оскорбить которую-либо из них, то случалось всякий раз, что я или заболел или по какому-нибудь непредвиденному обстоятельству не мог присутствовать на конференции (Пастор Виганд, с. 562).

Профессор Шварц

Из университетских мартинистов Виганд называет по имени только одного Шварца⁶¹. Однако о нем он рассказывает обстоятельно, с нескрываемой симпатией к его страстной увлекающейся натуре и с любопытнейшими подробностями. Не забывая, впрочем, высказать свое критическое отношение к рискованным целям возглавляемого им общества.

Первый эпизод шварцевского сюжета – краткое изложение биографии его главного героя до поступления в Московский университет⁶². Здесь мы находим объяснение симпатии, которую Шварц испытывал к Виганду, краткие сведения о его жизненном пути и неожиданное утверждение, что он был послан в Москву масонами для выполнения некоей миссии:

Этот замечательный человек воспитывался в Силезии под руководством одной женщины, принадлежавшей к нашей религиозной общине, и под

⁶¹ Johann Georg Schwarz (1751–1784). См. основные сведения о нем: Биографический словарь. Ч. 2. С. 574–599. Серков А.И. Шварц, Иван Григорьевич // *Серков А.И.* Русское масонство. С. 954–958. Из исследований о Шварце отмечу два: монографическую статью А.Д. Тюрикова «Подвижник культуры» в сборнике: *Шварц И.Г.* Лекции. Донецк: Издательство «Вебер», 2008. С. 112–170 и одну из первых работ, посвященных его деятельности в России: *Лонгинов М.Н.* Новиков и Шварц: Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века. М.: Тип. Каткова и К, 1857 (2-е изд. М.: В типографии В. Готье, 1858).

⁶² Поскольку о раннем периоде жизни Шварца сохранились только отрывочные и противоречивые сведения, это сообщение Виганда служит ценным источником для реконструкции его биографии – см.: *Кондаков Ю.Е.* Орден золотого и розового креста в России. С. 212–213.

ее влиянием получил вполне религиозное направление⁶³. Увлечшись по своему страстному характеру новыми идеями, он поехал в Ост-Индию, испытал там немало приключений, а по возвращении оттуда снова стал заниматься наукою и примкнул к масонам-мартинистам, которые получили свое название от известного Мартина, автора сочинения “Des ergeurs de la vérité”. Этим обществом он был послан в Москву, где произвел большие реформы среди масонов (Пастор Виганд, с. 560).

Второй эпизод возвращает нас к приему Виганда на службу и знакомству обоих. В нем мы сталкиваемся с еще одним неожиданным утверждением – что Шварц в то время «управлял университетом»:

Профессор Шварц, человек весьма деятельный, в действительности управлял всем университетом, и услышав от Мелиссино, что один из братьев-гернгутеров поступает на службу университета, он употребил всевозможное старание к тому, чтобы привлечь меня в свое общество, а когда я отказался от этого, то способствовал моему определению в университет (Пастор Виганд, с. 560).

Категоричное заявление Виганда об особой роли Шварца в университете вызывает сомнение – не преувеличивает ли он? Однозначно ответить на этот вопрос, конечно, сложно, однако очень похоже, что до возвращения Мелиссино в университет от Шварца в нем действительно зависело многое⁶⁴.

Третий эпизод этого сюжета, рассказывающий о дружбе обоих, – самый примечательный. Особенно в том, что касается деталей, представляющих собой редкие свидетельства современника о сокровенной жизни главы университетских масонов и планах его организации. Обозначу вначале его общую канву: Шварц всячески покровительствовал своему новому коллеге, быстро с ним сблизился, стал делиться с ним тайнами общества, пытаясь вовлечь в его деятельность. И несмотря на то, что

⁶³ Некоторые религиозные практики гернгутеров, по-видимому, были близки мистическим порывам Шварца. В частности, их эмоциональное переживание единения с Христом как хранителем мира, так называемая «религия сердца».

⁶⁴ Как утверждает, например, И.Н. Розанов, «пока Херасков был фактически единственным куратором, принимавшим близкое участие в делах университета, Шварц пользовался полной свободой действия в университете и постоянно видел поддержку и сочувствие в Хераскове». – *Розанов И.Н.* М.М. Херасков // *Масонство в его прошлом и настоящем* / под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. М.: Задруга, 1915. С. 40.

Виганд старался избегать участия в делах масонов, между обоими сложились близкие дружеские отношения, ставшие особенно доверительными в последние дни жизни Шварца.

Приведу этот примечательный эпизод целиком:

Руководитель общества, проф. Шварц, оказывал мне полное доверие и открыл мне сокровенные цели общества, клонившиеся ни к чему иному, как к ниспровержению православного вероисповедания в России; я советовал ему действовать осторожнее, оставить мистицизм и не смешивать своих целей с целью общины⁶⁵, чтобы они не повредили друг-другу. Относительно религиозной реформы Шварц зашел уже далеко и план его был близок к осуществлению, но чрезмерные труды повергли его вскоре на одр болезни; я навещал его ежедневно, и он всегда просил меня беседовать с ним о Спасителе, но мы не могли говорить свободно, так как нас всегда подслушивали масоны, опасавшиеся того, чтобы он, под влиянием столь нового для него настроения духа, не выдал их тайн. Я и сам всячески избегал этого; только однажды он высказался, что “это дьявольский орден и что если Господь пошлет ему исцеление, то он поступит в общину (в данном случае имеется в виду община гернгутеров. — Ю. З.)”. Когда Шварц скончался, то масоны просили меня произнести надгробное слово на русском языке» (Пастор Виганд, с. 567).

Первое, что бросается здесь в глаза, — это, конечно, утверждение автора о том, что организация Шварца имела цель «ниспровержения православного вероисповедания в России» и что до достижения этой цели им оставалось совсем немного. Неужели мартинисты действительно зашли так далеко? И каким образом они могли осуществить свой план? Как вообще соотносится сказанное Вигандом с тем, что мы знаем о деятельности мартинистов-розенкрейцеров в России?

Начну с последнего вопроса. О некоторых подробностях их планов властям стало известно в ходе следствия по делу Новикова. В частности, о том, что они рассчитывали возвести в звание «великого мастера» в России цесаревича Павла Петровича. Биограф Павла I приводит в этой связи показания одного из руководителей московских мартинистов, князя Николая Никитича Трубецкого. В них Трубецкой свидетельствует, что главой заговорщиков, окружавших наследника, был Шварц и высказы-

⁶⁵ Здесь, очевидно, имеются в виду московские розенкрейцеры, подавляющее большинство которых составляли православные.

вает предположение, что во время одной из поездок цесаревича за границу тот был принят в масоны (в какой орден и в каком качестве при этом, правда, он не уточняет)⁶⁶.

Очевидно, что дойдя до Екатерины, эти сведения усилили ее прежние опасения относительно влияния масонов на Павла. Не исключено, что ей стали известны и некоторые другие подробности их планов⁶⁷. Она, например, вполне могла знать о решении Вильгельмсбадского конвента образовать в России «восьмую провинцию ордена», канцлером которой был назначен Шварц, а казначеем – Новиков. А также, что звание «великого мастера» провинции конвент оставил вакантным в ожидании воцарения ее сына⁶⁸.

В связи с этими опасениями императрицу не могли, конечно, не беспокоить воспоминания об отношении к православию ее покойного супруга. Будущего императора Петра III, как известно, совсем не радовал вынужденный отказ от лютеранства, и, как считают некоторые историки, после восшествия на престол он собирался реформировать Русскую православную церковь по протестантскому образцу. Во всяком случае, именно это ставилось ему в вину Екатериной в ее Манифесте от 28 июня 1762 года, где она указывала на опасность «перемены древнего в России православия» и «принятия иноверного закона»⁶⁹.

⁶⁶ «Покойный Шварц предлагал нам, чтобы известную особу сделать великим мастером в масонстве в России, а я пред Богом скажу, что, предполагая, что сия особа в чужих краях принята в масоны, согласовался на оное из единого того, чтобы иметь покровителя в оном» – *Шумигорский Е.С.* Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. С. 147. Эти сведения Трубецкого находят и другие подтверждения. Одно из них – совпадение заграничного «ревю» цесаревича с супругой под именем графа и графини Северных со временем поездки в Европу Шварца, а также тесные сношения последнего с «великим мастером всех шотландских лож» герцогом Фердинандом Брауншвейгским в период подготовки Вильгельмсбадского конвента. – См.: *Кондаков Ю.Е.* Орден золотого и розового креста в России. С. 218–222 и др.

⁶⁷ Свидетельство этому – ее недвусмысленные фразы в указе о заточении Новикова в Шлиссельбургскую крепость: «Они употребляли разные способы, хотя вообще, к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы...» – *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.; Л.: ГИХЛ, 1951. С. 671.

⁶⁸ *Лучинский Г.А.* Франк-масонство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXVIa. СПб., 1902. С. 511. Скорее всего, розенкрейцеры планировали реализовать свой план в России тем же способом, что и в Пруссии. Там в 1786 году на престол взошел розенкрейцер принц Фридрих Вильгельм, ставший королем Фридрихом Вильгельмом II. – См.: *Кондаков Ю.Е.* Орден золотого и розового креста в России. С. 104, 244–245.

⁶⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. С. 1.

Впрочем, свидетельств того, что подобные намерения имел и Павел Петрович, в нашем распоряжении нет. Розенкрейцеры активно пытались вовлечь его в свой орден, снабжали его соответствующей их целям литературой, Шварц встречался с влиятельными немецкими политиками-масонами и вел с ними тайные переговоры – не более того. Да и вообще, трудно представить, что московские мартинисты-розенкрейцеры, почти сплошь православные, стремились к обращению России в протестантизм.

Наконец, вызывает сомнение и приведенное во второй части процитированного отрывка утверждение о том, что перед смертью Шварц находился под влиянием «нового для него настроения духа», т.е. был готов отречься от розенкрейцества и вступить в братство гернгутеров – как и предыдущее, оно не находит подтверждений в других свидетельствах⁷⁰.

Дело Новикова

Следующий сюжет – неожиданное участие Виганда в расследовании по делу Новикова. Весной 1793 года он получает предложение старшин общины занять почетное место священника и представителя братства в Петербурге и тут же с радостью его принимает. Однако эта радость оказывается преждевременной: по предложению Мелиссино его включают в состав секретной комиссии по разбору бумаг и книг Новикова, в то время уже отбывавшего пятнадцатилетний срок в Шлиссельбургской крепости:

...В 1793 г., на одиннадцатом году моего пребывания в Москве, когда я не ожидал уже никакой перемены в жизни, мне было сделано неожиданное предложение занять в Петербурге место священника и агента братства.

⁷⁰ В дополнение к сообщению Виганда о кончине Шварца можно высказать некоторые соображения относительно окружавших умирающего масонов. Кто это были? Известно, что скончался Шварц в Очаково, подмосковном поместье, принадлежавшем жене М.М. Хераскова Елизавете Васильевне. Херасковы жили здесь вместе с князем Н.Н. Трубецким, приходившимся Михаилу Матвеевичу единоутробным братом, и женой Трубецкого Варварой Александровной, также активным членом масонского общества. Поместье было не только местом притяжения московской литературно-театральной публики, но и местом собрания мартинистов. Здесь же хранились и их тайные бумаги – услышав об аресте Новикова братья Трубецкие и Херасков срочно отправились в Очаково, чтобы их уничтожить. По свидетельству Лонгинова, в последние дни жизни Шварца его близкого друга Новикова в Очаково не было, поскольку он сам серьезно болел. Однако у постели Шварца находились Н.Н. Трубецкой с женой, впоследствии рассказывавшей близким знакомым о последних словах Шварца (*Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. С. 210–211). Скорее всего, в Очаково в это время находились и супруги Херасковы.

Я принял это предложение с радостью, но не мог тотчас оставить университет, так как я участвовал в секретной комиссии, имевшей поручение рассмотреть бумаги арестованного Новикова (Пастор Виганд, с. 564).

Начало следствия по делу Новикова. Сообщение о начале преследований мартинистов Виганд предваряет указанием на три его причины: перемену в настроениях императрицы после Французской революции, главенствующую роль в обществе Новикова и тайный характер деятельности масонов. Перечислив их, он заверяет читателей, что со смертью Шварца почти прекратил отношения с мартинистами и добавляет, что, несмотря на тяжелую потерю, они продолжали свою прежнюю деятельность, в частности публикацию и распространение печатной продукции:

После злосчастной французской революции, угрожавшей спокойствию всех государств императрица Екатерина II сделалась весьма недоверчива и подозрительна. В то время во главе мартинистов после смерти Шварца стоял Новиков; не подлежало сомнению, что это общество под предлогом распространения Евангелия преследовало свои цели. Мое влияние на него, со смертью Шварца, было самое ничтожное; я поддерживал знакомство лишь с немногими из наиболее рассудительных его членов, которые не имели, однако, в нем никакого веса. Между тем, мартинисты обращали на себя всеобщее внимание, они распространяли назидательные книги и занимались делами благотворительности, далеко превышавшими средства частных лиц (Пастор Виганд, с. 564).

Из изданий мартинистов он упоминает, впрочем, только одно: вышедшую в 1784 году большим тиражом книгу лютеранского богослова Иоганна Арндта:

Особенно быстро разошлись по всей империи четыре обширные издания перевода «Истинного христианства» Арндта – сочинения, осужденного еще в царствование императрицы Анны Иоанновны Свят. Синодом как противное православной религии (Пастор Виганд, с. 564)⁷¹.

Почему только одно это? Попробуем выяснить.

⁷¹ *Арндт И.* О истинном христианстве шесть книг: С присовокуплением Райского вртограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя / пер. с нем. [И.П. Тургенева]. М.: Типография И. Лопухина, 1784. Книга вышла в четырех частях.

Впервые на русском языке «Истинное христианство» было опубликовано в 1735 году в Галле и свободно распространялась в России вплоть до его запрета указом императрицы Елизаветы Петровны (тут Виганд ошибся) в 1743 году вместе с другими изданиями, не освидетельствованными в Синоде. В 1785 году Екатерина подтвердила этот запрет и повелела изъять тираж нового издания, к тому времени, впрочем, уже распроданного⁷². Поскольку «Истинное христианство» наряду с «Подражанием Христу» Фомы Кемпийского относилось к числу сочинений, наиболее чтимых гернгутерами, указ Екатерины не мог не вызвать беспокойства Виганда. К тому же книга Арндта была важной частью его собственного религиозного образования: в начале автобиографии он рассказывает, как по воскресеньям, после возвращения из церкви, дети в их семье читали матери главы из нее (Пастор Виганд, с. 546).

Переходя дальше к рассказу о мерах, предпринятых Екатериной против мартинистов, Виганд снова обращается к разъяснению мотивов императрицы, добавляя к прежним ее антипатию к масонству и неприязнь к Новикову. Он также свидетельствует о ее неверии в решительность губернатора П.В. Лопухина (который сам был членом одной из масонских лож) и указывает на особую задачу, возложенную ею на главнокомандующего Москвы князя А.А. Прозоровского:

Императрица, по своим убеждениям не терпевшая новых учений, считала тайные общества весьма опасными, а Новикова лично ненавидела, поэтому она поручила теперешнему [1808] министру Лопухину, бывшему в то время московским генерал-губернатором, иметь бдительный надзор за этим обществом, стоявшим в тесной связи с московским университетом; когда же императрица убедилась, что Лопухин не вполне способен к преследованию ее целей, то она назначила генерал-губернатором в Москву князя Прозоровского⁷³, которому было поручено расследовать все, касавшееся общества, и уничтожить его (Пастор Виганд, с. 564–565).

Опасность и спасение. Дальше Виганд говорит об угрозе, нависшей над ним после назначения Прозоровского и о неожиданном спасении от нее.

⁷² Православная энциклопедия. Т. 3. М.: Православная энциклопедия, 2001. С. 374–375.

⁷³ Автор ошибается, называя его генерал-губернатором.

В первое время после своего вступления в должность подозрительный и невежественный Прозоровский был убежден, что Виганд не только состоит в университетском тайном обществе, но и является одним из его руководителей. Причем никакие попытки знающих людей разуверить его в этом не имели успеха. Грозившее бедой развитие событий прервал счастливый случай. Спасителем Виганда оказался один из его знакомых, которого он некогда рекомендовал гувернером в дом князя Гавриила Петровича Гагарина. Будучи человеком осведомленным о религиозных взглядах и характере деятельности моравских братьев, этот знакомый смог убедить Прозоровского в допущенной ошибке. Интересно, что, рассказывая об этом счастливом для него повороте событий, Виганд характеризует своего спасителя как «шпиона» и подлого человека, предавшего своего хозяина (Г.П. Гагарин был одним из видных масонов):

Спасение явилось с другой стороны. Один женеvский уроженец по фамилии Du Seigneur⁷⁴, познакомившийся с нашею общиной еще за границею и которому я оказал некоторые услуги, между прочим, рекомендовал в дом кн. Гагарина, поддався убеждениям кн. Прозоровского, не желавшего для своих целей ни денег, ни обещаний, и выдал своего начальника, близкого родственника Прозоровского и члена общества мартинистов. Du Seigneur сделался с той поры доверенным шпионом князя; по его настоянию моя фамилия была вычеркнута из ненавистного списка (Пастор Виганд, с. 565).

Работа в тайной комиссии. Несмотря на то что подозрения Прозоровского отпали, из-за прежней близости со Шварцем и знакомства с Новиковым Виганд оставался в непростой ситуации. А когда по Москве разнеслась новость об аресте Новикова⁷⁵, боясь быть уличенным в тесных связях с ним, он решает избавиться от «опасных» книг в своей домашней библиотеке: «Все его знакомые ожидали вначале такой же участи, поэтому я поспешил уничтожить или спрятать все книги, подарен-

⁷⁴ Установить личность этого человека мне не удалось.

⁷⁵ Арест Новикова, произведенный по императорскому указу от 13 апреля 1792 года, был произведен 24 апреля. См. об этом в автобиографии: «Между тем, был арестован Новиков; его дом, находившийся в центре города, был окружен пятьюдесятью конными и пешими солдатами с заряженными ружьями; несколько месяцев спустя он был перевезен в Шлиссельбургскую крепость, откуда выпущен только в царствование императора Павла I» – Пастор Виганд. С. 565.

ные мне мартинистами. Но дело ограничилось одним страхом» (Пастор Виганд, с. 565). Однако эта предосторожность оказалась излишней, подозрений его фигура больше не вызывала. Наоборот, судя по последующим событиям, Виганд стал теперь пользоваться полным доверием Прозоровского. И когда императрицей была назначена тайная комиссия по обследованию библиотеки и архива Новикова, он оказался среди ее членов, причем в качестве особо ответственного лица.

Вот, что он говорит о этом сам:

Книги и бумаги были опечатаны и для разбора их была назначена секретная комиссия, в которую я также был выбран... Членами этой комиссии были: профессор Гейм⁷⁶, два или три русских архипастыря⁷⁷, шпион Du Seigneur и обер-полицмейстер Глазов⁷⁸. Мне были переданы ключи и печать от комнат, в которых хранились эти вещи (Пастор Виганд, с. 565)⁷⁹.

Как можно судить из дальнейшего рассказа, участие в работе комиссии было для Виганда делом крайне нежелательным, поскольку надолго откладывало его отъезд в Петербург⁸⁰. Но одновременно и важным, заслуживающим того, чтобы рассказать о нем с подробностями⁸¹. В част-

⁷⁶Гейм, Иван Андреевич (von Heim, Bernhard Andreas), 1759–1821. См. о нем: Биографический словарь. Ч. 1. М., 1855. С. 188–191; Императорский Московский университет. 1755–1917. С. 145–147; *Зарецкий Ю.П.* Мемория профессора // *Universitas historiae: сб-к ст. в честь Павла Юрьевича Уварова.* М.: ИВИ РАН, 2016. С. 139–148.

⁷⁷Это были Протопоп Иоанн Иоаннов и священники Семион Григорьев и Миколай Иоаннов – См.: Бумаги А.А. Прозоровского по делу Н.И. Новикова / публ. и примеч. А.К. Афанасьева // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2009. С. 588.

⁷⁸Глазов, Павел Михайлович (1747/48 – 1814), в 1793 году – исполняющий обязанности Московского обер-полицмейстера.

⁷⁹Его особое положение в комиссии подтверждается тем, что другой профессор университета, И.А. Гейм, был назначен ему «в помощь» – см.: Бумаги А.А. Прозоровского по делу Н.И. Новикова. С. 587.

⁸⁰«Трудно было сказать, когда занятия комиссии окончатся, а так как по закону никто из служащих, на которого возложено какое-нибудь поручение, не имеет права выйти в отставку до окончания дела, то я решительно не знал, когда я буду иметь возможность уехать из Москвы» – Пастор Виганд. С. 565–566.

⁸¹Он, например, сообщает детали, относящиеся к распределению обязанностей между членами комиссии: «Мы разделили между собою работу таким образом, что мне было поручено просмотреть и отметить книги мистического содержания. Гейму – научные сочинения, а архипастырям – духовные книги» – Пастор Виганд. С. 566.

ности, связанными с обнаружением в библиотеке Новикова одного из запрещенных сочинений:

Случайно попался мне рукописный перевод *Idea fidei fratrum* Лайрица (Layritz), трактующий о воспитании детей; так как это сочинение принадлежало к числу наших общинных изданий, то я дал его для прочтения русскому архипастырю; прочитав его с начала до конца, он не нашел к нему ничего предосудительного, однако припомнил, что с год тому назад нечто подобное этой рукописи проходило цензуру Святейшего Синода; желая в этом убедиться, он потребовал из Синода об этом справку; в присланном отзыве было сказано, что *Idea fidei* не везде согласуется с Священным Писанием и поэтому к печати допущено быть не может. Доброму архипастырю мнение это оказалось столь же непонятным, как и мне самому, но делать было нечего, приговор был произнесен (Пастор Виганд, с. 566).

Почему Виганд упоминает только его? И что означает «принадлежало к числу наших общинных изданий»? Ответ на эти вопросы найти несложно: автор *Idea fidei fratrum* (Суть веры братьев) Август Готтлиб Спангенберг был преемником основателя Моравской церкви Николая Людвиг Цинцендорфа, а названный его труд гернгутеры относили к числу своих канонических книг⁸². То есть Виганд делится здесь с читателями сделанным им важным и очень неприятным открытием: Синод рассматривал одну из настольных книг братьев как сомнительную с точки зрения православной веры⁸³.

Спустя почти два месяца работа Виганда в комиссии закончилась, причем вполне для него благополучно. 4 июня 1793 года его прошение об отставке получило одобрение А.А. Прозоровского⁸⁴, и ему было дано разрешение оставить университет, служба в котором так его тяготила. Не удивительно, что прощание с Москвой он описывает как счастливое и долгожданное окончание нелегкого испытания:

Когда оканчивалась эта Комиссия, я всячески изыскивал благоприятный случай просить о своем увольнении; теперь Бог послал его, и меня уво-

⁸² *Spangenberg A.G. Idea fidei fratrum oder kurzer Begriff der christlichen Lehre in den evangelischen Brüdergemeinen. Barby: in Commission bey Paul Gotthelf Kummer, 1789.*

⁸³ Что касается названного Вигандом Лайрица (Paul Eugen Layritz, 1707–1788), то это был переводчик сочинения на русский язык. О нем известно как о педагоге, который некоторое время жил в России по заданию старшин Моравской церкви – см. о нем: *Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland. S. 206, 263, 341, 360, 531, 609, 642, 647, 654.*

⁸⁴ Бумаги А.А. Прозоровского по делу Н.И. Новикова. С. 589.

лили с наилучшими аттестатами. Ах, как я был рад и благодарен Спасителю моему, Который более 10 лет охранял меня Своею милостию в сем трудном и опасном служении, в которое Он премудро ввел меня, в котором Сам руководил мною и из которого Сам извлек, наконец. Да будет Ему за все сие хвала и благодарение! (Краткое жизнеописание, с. 109–110).

Лектор-проповедник

А что, собственно, служебные обязанности профессора? В частности, главная, преподавание истории? Что Виганд рассказывает об этом? Сведения на этот счет в его автобиографии оказываются на удивление скудными. И это несмотря на то, что, если верить университетским документам, читал он лекции на протяжении почти десяти лет по два часа в день четыре раза в неделю.

Лекции по истории: документальные сведения. Университетских документов, относящихся к преподавательской деятельности Виганда, сохранилось не много, однако из них вполне можно получить общее представление о ее характере. Прежде всего, из ежегодно публиковавшихся каталогов университетских лекций.

Впервые имя Виганда появляется в каталоге на 1783/4 учебный год, где указано, что ему поручено читать лекции по всеобщей истории в качестве экстраординарного профессора⁸⁵. Из объявления на 1787/88 год мы узнаем о названиях его курсов и порядке их преподавания. Здесь говорится, что начинать он будет с обзора вспомогательных исторических дисциплин («начинает исторический курс кратким введением в те науки, которые почитаются основанием и воспомоществованием исторического учения»), а затем перейдет ко всеобщей истории, «которую будет преподавать следуя по большей части руководству Шлецера». На 1788/89 год, теперь уже в качестве ординарного профессора, Виганд обещал студентам обзор всемирной истории с особым вниманием на древнюю⁸⁶. В следующем году, «по окончании немногаго из древней Истории», им было обещано чтение истории «нынешних Европейских государств большею частию по Мейзелеву руководству с присовокуплением к оному, где нужно покажется, статистических замечаний». Из каталога на 1790/91 учеб-

⁸⁵ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 236.

⁸⁶ Во всяком случае, так можно истолковать сказанное в объявлении: «как вообще Универсальную историю, так в особенности Древнюю; и дошед в ней до тех народов вне Европы, которые и поныне существуют и заслуживают внимание, деяния оных кратким повествованием доведет до нынешних времен».

ный год известно, что в предыдущем им уже была прочитана древняя и средняя история «Турецкой империи, Венгрии, Сицилии, Португалии и Франции» и что в текущем он будет продолжать курс всеобщей истории «до последнего одной периода», сосредоточив внимание на других европейских государствах. Здесь же сказано, что преподавать он опять будет «по Майзелеву руководству с присовокуплением к оному статистических замечаний», но теперь конкретизируется источник этих «замечаний»: «особенно из Тоцена почерпаемых». Из объявления в следующем каталоге становится ясно, что в предыдущем году курс Виганда завершен не был и будет продолжен в 1791/92 году. Профессор намеревался теперь «изяснить из истории государств остающееся немного, чего в прошлый академический год не успел кончить», и только после этого начать новый курс, состоящий из вспомогательных дисциплин и всеобщей истории. Наконец, на 1792/93 год Вигандом была «обещана и история средних времен», но «только в том отношении, как произошли нынешние европейские государства»⁸⁷. Это последнее упоминание его имени в каталогах университетских лекций.

Если обобщить эти сведения, то выходит, что преподавал Виганд всеобщую историю с элементами статистики плюс вспомогательные исторические дисциплины. Что касается конкретного содержания его лекций, то о нем отчасти можно судить по упомянутым в объявлениях «руководствам»⁸⁸. До Виганда в качестве такого руководства чаще всего использовалась уже упоминавшаяся «Всеобщая история» Иеронима Фрейера. В его же объявлениях названы другие, более новые сочинения: Шлецера, Майзеля и Тоцена. Что они собой представляли?

Очевидно, что в объявлении на 1787/88 учебный год Виганд имеет в виду впервые вышедшее в 1772–73 годах двухтомное «Представление всеобщей истории» профессора истории и статистики Геттингенского университета Августа Людвига Шлецера⁸⁹. Перевод этого сочинения на русский, выполненный бакалавром Московского университета Алексан-

⁸⁷ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 237.

⁸⁸ Университетская Конференция, состоявшая из ординарных профессоров, определяла для каждого курса книги, которыми должен был руководствоваться в преподавании тот или иной профессор. Отсюда и название «руководства». Нельзя исключить, что утверждение этих руководств было процедурой формальной. И тем более нельзя исключить, что лекторы в аудитории отклонялись от их содержания.

⁸⁹ *Schlözer A.L. Vorstellung seiner Universal-Historie. Bd. 1–2. Göttingen; Gotha: Dieterich, 1772–1773.*

дром Дмитриевичем Барсовым, был опубликован только в 1791 году⁹⁰, из чего следует, что Виганд использовал немецкое издание. Труд Шлецера содержал новаторскую концепцию мировой истории (*Weltgeschichte*), сжатое изложение этапов ее развития, представление ее основного содержания, а также задач изучения⁹¹. Автором второго руководства, «Всемирной истории современных европейских государств», в объявлении значится профессор истории Эрфуртского университета Иоганн Георг Мойзель. Поскольку русского перевода этого труда не существует, то очевидно, что Виганд также использовал немецкий оригинал⁹². Что он собой представлял? Это были вышедшие в 1777–1779 годах под редакцией Мойзеля пять частей многотомного учебного издания, включавшего фрагменты сочинений авторитетных немецких и английских историков. Последний из упомянутых авторов, Эобальд Тоце, был профессором истории в университете городка Бютцов (в 1789 году присоединенного к Ростоцкому университету). Виганд имеет в виду первую часть «Введения в описание европейских государств» Тоце, в которой один из разделов объемом в сто с лишним страниц был посвящен России и помимо статистических сведений включал краткий экскурс в ее историю⁹³.

Виганд-историк в автобиографии. Любопытно, что эти документальные сведения о преподавательской деятельности Виганда не находят никакого отражения в его автобиографическом рассказе. В нем нет ни упоминаний имен историков, ни названий сочинений, на которые он опирался, ни исторической науки вообще – как будто это для автора не важно. Единственное, что мы встречаем в этом рассказе, это отрывочные сведения, впрочем, вполне складывающиеся в единую картину.

⁹⁰ Шлецер А.Л. Представление всеобщей истории. М.: Унив. тип. у В. Окоорока, 1791.

⁹¹ О Шлещере-историке см. в монографии: *Peters M. Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809)*. Münster: LIT Verlag, 2003.

⁹² *Meusel J.G. Die allgemeine Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Teutschland und Engelland ausgefertigt. In einem vollständigen und pragmatischen Auszuge. Verfasst von Johann Georg Meusel. Bd. XVI–XX. [Halle: Gebauer, 1777–1779].* О Мойзеле см.: Энциклопедия статистических терминов в 8 томах. Т. 8: Выдающиеся отечественные и зарубежные ученые в области статистики. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/stbook11/tom8.pdf>

⁹³ *Toze E. Einleitung zur allgemeinen und besondern Europäischen Staatskunde. Erster Theil: von Europa überhaupt, Spanien, Portugal Großbritannien. Zweeter Theil: von den Vereinigten Niederlanden, Dänemark, Schweden, Polen, Rußland. Bützw; Wismar: Berger und Boedner, 1779.*

Первым делом Виганд заверяет читателей в том, что относился он к преподаванию с полной ответственностью и был за это вознагражден – успехом у студентов и завистью коллег:

Что касается моих занятий в университете, то я старался исполнять мои профессорские обязанности как можно добросовестнее, полюбил студентов и, в свою очередь, был ими любим, что возбуждало в моих товарищах зависть, которую они не замедлили дать почувствовать (Пастор Виганд, с. 561).

Хотя никаких свидетельств на этот счет ни тех, ни других не сохранилось, вряд ли есть серьезные основания сомневаться в справедливости такой высокой самооценки автора. Во-первых, потому что Виганд был единственным из профессоров-иностранцев, читавшим историю на русском языке – это не могло не привлечь к нему и его курсу внимание русской аудитории. Во-вторых, потому что его опыт чтения проповедей не мог не давать ему известных преимуществ над другими профессорами.

Но это свидетельство в нашем случае не так важно. Гораздо важнее те немногие детали, которые Виганд сообщает о содержании своих лекций и о внимании к ним аудитории. Из этих сообщений следует, что особый интерес студентов вызывали сюжеты всемирной истории, связанные с христианством, и что отвечая на этот интерес, он останавливался на них особенно подробно:

Читая лекции по истории я имел случай иногда объяснять моим слушателям догматы христианских вероисповеданий; в особенности проходя историю средних веков, а когда мне приходилось говорить о рождении Иисуса Христа как об эпохе во всемирной истории, я посвящал обыкновенно этому предмету несколько лекций, которые так нравились молодежи, что она стекалась в мою аудиторию с разных факультетов. То же самое происходило и тогда, когда я читал о реформации (Пастор Виганд, с. 562).

В рукописном тексте автобиографии Виганд повторяет почти то же самое, с большим акцентом на проповеднические цели своих лекций:

Преподавая историю, имел я много случаев внушать моим слушателям основанные на Слове Божием истины религии. Особенно когда в середине истории говорено было о Рождестве Иисуса Христа как эпохе, то я

обыкновенно посвящал на это две лекции, кои так нравились молодым людям, что они сказывали и другим о том, когда мне надлежало об этом говорить – и тогда со всех других лекций обыкновенно собирались в мою аудиторию. Нечто подобное было при реформации Лютеровой (Краткое жизнеописание, с. 99–100).

И добавляет, что никогда не начинал лекцию, не помолившись:

Я никогда не входил на кафедру, не обративши взоров к милосердному Спасителю и не испросивши Его помощи для исповедания Его, и никогда не сходил, не принеся Ему благодарения за помощь Его (Краткое жизнеописание, с. 100).

Это все, что мы узнаем от него о его десятилетнем преподавании истории.

Лаконизм сообщений Виганда о его лекциях, впрочем, несколько не удивителен: рассказывая о своей жизни в Москве, он не раз повторяет, что работа в университете была для него тяжелой обузой, называет ее «ярмом», а жизнь в городе – «тягостной и утомительной». Тем более что главным его делом была не университетская служба, а исполнение пастырской миссии, возложенной на него общиной. Как ее представитель он читал проповеди в лютеранских церквях и на дому, совершал богослужения, навещал тяжелобольных, готовил к конфирмации молодых людей, вел обширную переписку, хлопотал о покупке общинного дома и затем о строительстве нового каменного, об освобождении дома от поста и об отведении места для особого кладбища для членов общины (Пастор Виганд, с. 563)⁹⁴. А свидетельствуя о выпавших на его долю испытаниях в ходе выполнения этой миссии, Виганд раз за разом повторяет, что выдержал их благодаря Деснице Божией, неизменно ведущей его

⁹⁴ См. в рукописной версии автобиографии: «Притом я имел обширную корреспонденцию и большею частью по нуждам сердечным, так что, при множестве других моих трудных занятий, я часто писал по десяти писем в один почтовый день. Притом я частным образом давал лекции некоторым лицам, как то графу Панину, который и теперь еще жив, г. Галахову и другим. Сверх того имел я немало хлопот в судах по различным делам Братской церкви, к коим особенно относится постройка нового каменного дома и освобождение нашего дома от постоев – последнее было особенно важным обстоятельством для моего духа» – Краткое жизнеописание. С. 105–106.

по жизни. В рукописном тексте автобиографии эта мысль выражена особенно отчетливо:

В Москве продолжал я по-прежнему занятия по своей должности (имеется в виду университетская служба. – Ю. З.), пользуясь милостивым покровительством Спасителя моего. Я имел сердечное желание совершать дело Бога моего. Потому кроме назидательных наставлений при общем собрании и сверх обыкновенной проповеди в нашем доме я охотно ловил все случаи, где надеялся сделать что-нибудь для славы Божией. Часто в обеих Лютеранских церквах проповедовал я Евангелие и в каждой из них по случаю болезни их пасторов целую половину года занимал место последних. По просьбе посещал я некоторых больных, из коих многих надеюсь сретить в вечности. В особенности я ежегодно занимался приготовлением на русском языке ко Святому Причащению многих молодых людей, кои не знали по-немецки, как то эстонцев, латышей и других необразованных людей (so genannten Eisenwerker) и часто говорил на том же языке проповеди пред конфирмацию в присутствии многих слушателей. Несколько раз також собирал я этих необразованных людей (so genannten Eisenwerker) и беседовал с ними на русском языке, впрочем без всякого успеха (Краткое жизнеописание, с. 103–105).

Последние слова этого отрывка свидетельствуют, что помимо бремени профессорских обязанностей и опасностей, связанных с близостью к университетским масонам, недовольство Виганда жизнью в Москве было связано еще и с малыми успехами его миссионерской деятельности: «Моя служба при университете и скудость видимых плодов от проповедования Евангелия делали жизнь мою в Москве часто тягостною и неприятною» (Краткое жизнеописание, с. 106).

После университета. О каких событиях своей жизни рассказывает Виганд дальше? Он отправился в Санкт-Петербург, где принял должность представителя сарептских гернгутеров. Здесь его прежний тяжкий опыт университетской службы неожиданно приносит пользу:

В это время мне не раз пришлось вспомнить с благодарностью о тяжелом времени, проведенном мною в Московском университете; я встретил в Петербурге во всех департаментах старых университетских знакомых, которые с величайшею готовностью оказывали мне свое содействие; при

этом самые незначительные из этих личностей нередко были для меня весьма полезны (Пастор Виганд, с. 566).

Больше о своей службе в университете автор ни разу не упоминает.

Автобиография и правда

Историку, безусловно, нужно относиться к автобиографическим свидетельствам с осторожностью – по сравнению со многими другими видами документов, содержащиеся в них сведения требуют особо тщательной проверки. В этой связи обычно говорят о ненадежности человеческой памяти, ее избирательном характере и даже о сознательных искажениях автором исторических фактов для достижения собственных целей. Но это не значит, что они не в состоянии донести до нас достоверные знания о прошлом. И дело тут не только в перечисленных выше общеизвестных трудностях, но и в подходе к автобиографиям исследователя: о чем их имеет смысл спрашивать, а о чем нет? На мой взгляд, задавая им вопросы, всегда нужно помнить, что, рассказывая о своей жизни, их авторы обращались не к нам, чтобы сообщить «как было на самом деле», а к каким-то другим людям. И что сами эти авторы были другими людьми, не похожими на нас сегодняшних. Без признания этой «другости» опирающиеся на автобиографические свидетельства реконструкции прошлого не могут рассчитывать на убедительность. Но что означает ее признание? Какие выводы из него следуют? Главный состоит в том, что каждый автобиографический текст следует понимать как коммуникативный акт, включенный в плотную сеть конкретных исторических обстоятельств и социальных отношений.

Основанную на этой посылке методологию изучения автобиографий еще в начале 2000-х годов разработала немецкая исследовательница Габриэла Янке, обозначив ее емкой формулой «автобиография как социальная практика»⁹⁵. Углубив и конкретизировав эту методологию в своей новой работе, она предложила рассматривать всякое автобиографическое свидетельство в трех пересекающихся исторических контекстах⁹⁶. Пер-

⁹⁵ Jancke G. *Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum*. Cologne-Weimar-Vienna: Böhlau, 2002.

⁹⁶ Выражаю свою глубокую признательность автору за возможность ознакомиться с рукописью ее статьи “Charitas Pirckheimer, Martin Luther, and other clerics. Autobiographical writing as social practice in the German-speaking areas (15th and 16th centuries)”.

вый окружает его создателя – это его социальный статус и место в иерархии общественных, политических и экономических отношений. Второй охватывает ситуацию, в которой оно было создано. Здесь особенно важны мотивы, которыми руководствовался автор, использовавшиеся им нарративные стратегии, адресат и формы бытования текста. Наконец, третий – это современное состояние изучения автобиографического свидетельства: вопросы, с которыми обращаются к нему исследователи, их понятийный аппарат и аналитические приемы. Следуя этому предложению Янке, кратко очертим контексты автобиографии Виганда, начав с последнего.

Сформулированный в этой работе исследовательский вопрос и использованная в ней методология анализа текста автобиографического документа вполне традиционны: задача состояла в том, чтобы выяснить достоверность сообщаемых Вигандом сведений путем их сопоставления с другими историческими свидетельствами. Однако ни первый, ни второй контексты, которые Янке считает ключевыми, при этом не принимались во внимание. Если мы теперь обратимся к ним, то увидим примерно такую картину. Создатель сочинения – протестантский пастор, глава общины гернгутеров, на протяжении многих лет выполнявший возложенные на него сарептскими старшинами ответственные миссии в обеих столицах и в конце жизненного пути нашедший покой в окружении своих братьев и сестер по вере. Мы увидим, что автобиография Виганда обращена именно к этим братьям и сестрам и их потомкам. Станут очевидными и религиозно-нравоучительные мотивы ее написания: на примере своей жизни автор демонстрирует, что человек, преданный вере, даже в самых трудных ситуациях может рассчитывать на заступничество Божие. Эти контексты прямо обозначены автором в предисловии к его автобиографическому рассказу. Приведу его здесь целиком:

Теперь, особенно вспомнул о мне Господь; потому что уже немного дней остается у меня и, может быть, Он скоро воззовет меня к Себе. Посему теперь, на 65 году своей жизни, в 1808 году, я хочу отметить нечто из протеченного мною поприща жизни, что казалось мне особенно важным.

Тот, кто будет читать или слушать это, да познают во мне памятник верности Иисусовой, и да принесут Ему за сие хвалу, которой я здесь, и, без сомнения во всю вечность не могу достойно принести Ему и прославить Его за все, что сделал Он для меня, бедного грешника» (Краткое жизнеописание, с. 1–2).

На них же, теперь уже с самоуничижительной интонацией, указывают последние слова автобиографии:

Ничто не может быть столь сильным доказательством тому, что может сделать кровь Сладчайшего Иисуса с самым окаянным человеком, как я. Человек, от природы испорченный, ничего не может делать, как только грешить. Так и я чувствую, что самое наилучшее осквернено грехом. Но меня сретило милосердие, и потому я сердечно радуюсь моему искуплению от всякого зла и с радостью возношу мое грехолюбивое сердце и славу к Тому, Который омыл меня Своей кровию и Который ризою Своей правды покрыл всю мою жизнь и дарует мне в оной предстать пред лицом Его славы (Краткое жизнеописание, с. 125–126).

Осмысление свидетельств Виганда о Московском университете как порождения этих контекстов позволяет заново поставить вопрос об их достоверности. И отвечая на него, нам следует прежде всего признать, что в этих свидетельствах мы имеем дело не с «объективной реальностью», не с правдой вообще, а с той реальностью и с той правдой, которую пастор посчитал нужным сообщить своей аудитории в религиозно-назидательных целях. То есть уяснить, что именно этими целями объясняется его выбор отдельных сюжетов рассказа и их внутренняя драматургия.

Почему Виганд так много внимания уделяет университетским масонам – в разы больше, чем своим прямым профессорским обязанностям, преподаванию истории? Контекстуализация его текста дает ответ: он говорит здесь о том, что считает главным – о трудностях, которые с Божьей помощью ему удалось преодолеть, выполняя возложенную на него миссию. Тот же смысл имеют и сведения о спасительном участии в его судьбе «шпиона» *Du Seigneur*, об «отъявленных атеистах» в университете, о смертельно опасной конечной цели кружка Шварца. Сообщение о готовности последнего перед смертью принять веру братьев прочитывается как свидетельство одного из успехов его проповеднической деятельности, а упоминание о двух настольных книгах братьев, запрещенных цензурой, – как напоминание об опасностях, с которыми гернгутеры сталкиваются в России. Становится понятным и почему Виганд из всех многочисленных и разнообразных тем прочитанных им лекций по всеобщей истории упоминает только две, связанные с рождением Христа и Реформацией: он заверяет своих братьев и сестер во Христе, что и на университетской кафедре продолжал выполнять долг проповедника.

В общем можно заключить, что та правда, которую сообщает в рассказе об университетской жизни Виганд, обусловлена его социальным статусом в момент написания автобиографии, ее адресатами и конкретными историческими обстоятельствами ее создания, включая политические⁹⁷. Но тогда уместно спросить, следует ли нам ей доверять? Или это была только правда протестантского пастора для членов его общины? Вряд ли на этот вопрос можно дать уверенный ответ, но попытка разобраться в обстоятельствах появления автобиографической правды, безусловно, полезна – не только в случае Виганда, но и во всех других.

⁹⁷ В 1808 году рассказывать истории о московских мартинистах, многие из которых были живы и занимали высокие государственные должности, не представляло больше никакой опасности ни для них самих, ни для Виганда, ни для его читателей.

Препринт WP19/2017/01
Серия WP19
Исторические исследования

Зарецкий Юрий Петрович

**История и историки в Московском университете
XVIII века: Пастор Виганд**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,8
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 2054

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»